

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

НЕКОТОРЫЕ НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

З. В. Удальцова, А. П. Каждан

Во всяком историческом исследовании наступает такой момент, когда возникает потребность остановиться и подвести итоги сделанному. Это нужно не для того, чтобы выработать непреложную схему, — скорее наоборот, для того, чтобы отчетливее увидеть все нерешенное и сомнительное, спорное и нуждающееся в дальнейшем изучении. Такова именно цель настоящей статьи: она содержит не столько сумму уже достигнутых результатов, сколько ряд гипотез, проблем, аналитическое исследование которых, как представляется нам, станет делом ближайшего будущего.

В последнее время, прежде всего в советской историографии, оживленно дискутировался один из наиболее существенных вопросов истории раннего средневековья: о переходе от рабовладельческого общества к феодальному. Решение этого большого вопроса, естественно, распадается на ряд частных задач, и нам казалось бы целесообразным сформулировать те из них, которые имеют отношение к проблеме перехода к феодализму на территории Восточной Римской империи.

Переход к новой общественно-экономической формации явился закономерным результатом роста производительных сил общества, пришедших на определенном этапе в несоответствие со старыми производственными отношениями. Поэтому одной из наиболее важных задач, стоящих перед исследователями указанной проблемы, является решение вопроса об уровне производительных сил в последние века существования Римской империи. До недавнего времени в исторической литературе господствовало представление о всеобщем глубоком экономическом упадке, охватившем римское общество в тот период. Оно восходило, по сути дела, к старинным концепциям Монтескье и Гиббона. Однако исследование новых (по преимуществу документальных) источников показало, что вопрос намного сложнее, нежели это утверждали последователи Монтескье с их «либеральным» осуждением империи. Более правильным было бы теперь говорить о наличии двух противоположных тенденций в развитии позднеримской экономики. С одной стороны, империя, несомненно, переживала (особенно в Италии, Греции, Киренаике) возврат земледелия к более низкому уровню — это было обусловлено тем фактом, что античное рабство пережило себя¹. С другой стороны, имел место медленный и постепенный прогресс техники и навыков производства. К сожалению, пока еще удалось выявить лишь отдельные черты этого процесса: распространение водяных мельниц в IV—VI вв.², широкое применение механизмов для орошения полей в VI в.³, внедрение на новых территориях интенсивных

¹ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат. 1953, стр. 154.

² А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. «Вестник древней истории» («ВДИ»), 1953, № 3, стр. 82.

³ A. Ch. Johnson, L. C. West. Byzantine Egypt. Princeton. 1949, p. 11.

сельскохозяйственных культур, например, оливки в Африке⁴, совершенствование обработки стали и изобретение «греческого огня»⁵. Дальнейшее изучение источников позволит более конкретно представить себе рост производительных сил в Восточной Римской империи.

Вторая задача, стоящая перед исследователями этой эпохи, касается непосредственно социальной структуры империи. Здесь, нам думается, особенно важны три момента: особенности рабства на Востоке, особенности восточноримского колоната и соотношение между крупной и мелкой собственностью.

Вопрос о рабстве на Востоке является из них, пожалуй, наименее изученным. Мы могли бы констатировать, что число рабов здесь (особенно в городах Сирии) было значительным еще в IV—V вв.⁶ и они продолжали играть немалую роль в производстве. Достаточно перечитать начало XXV речи антиохийского оратора IV в. Ливания, чтобы почувствовать себя перенесенным в обстановку рабовладельческого мира: «Эти два слова: раб и свободный — везде на устах: в домах, на рынках, в полях, на равнинах, на горах, даже на кораблях и челноках». Однако необходимо выяснить, можем ли мы говорить о полном тождестве рабовладельческих порядков в западных и восточных провинциях Римской империи, а если нет, то в чем состояло различие между ними. Быть может, это различие следует искать в том, что на Востоке число рабов было значительным преимущественно в городах⁷, что же касается сельского хозяйства, то вопрос о количестве рабов, применявшихся в нем, еще остается недостаточно выясненным.

Основная масса непосредственных производителей в деревне именуется в греческих источниках *γεωργοί* и отождествляется обычно с колонатами римского законодательства. Однако положение *γεωργοί* в Малой Азии, Сирии и Египте значительно отличалось от положения колонатов на Западе. В восточных провинциях, как правило, мы не встретим господского хозяйства, которое бы владелец или арендатор вел руками рабов; соответственно этому держания «георгов» возникали не на периферии поместья, а представляли собой структурно целостные поселения⁸. В соответствии с этим возникает вопрос о происхождении восточноримского колоната: если на Западе (особенно в Италии и Африке) мы можем проследить, как колонатное хозяйство появлялось там, где прежде была рабовладельческая латифундия, то на Востоке источники не позволяют обнаружить аналогичного процесса. Не следует ли поэтому предположить, что владения восточных «георгов» генетически были связаны не с рабовладельческой виллой, а с селениями «царских земледельцев» эллинистической эпохи?

В этой связи необходимо рассмотреть противоречие между двумя группами фактов. Известно, что законодательные памятники лишь начиная с 332 г. говорят о прикреплении колонатов к земле. Однако уже в некоторых надписях II—III вв. из Фракии и Малой Азии мы встречаем крестьянские петиции, содержащие как жалобы на тяжесть податей, так и угрозу «бежать» из своих деревень. Эта угроза крестьянского бегства

⁴ A. Schulten. Das römische Africa. Leipzig. 1899.

⁵ F. M. Heichelheim. Effects of Classical Antiquity on the Land. Princeton. 1955.

⁶ «An Economic Survey of Ancient Rome». Vol. IV. Baltimore. 1938, p. 165. О правовом положении рабов в Поздней Римской империи см. М. Я. Сюзюмов. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. «ВДИ», 1955, № 1, стр. 54 и сл.

⁷ Цифровые данные о работах в Пергаме см. у Галена (V, 49). Цит. по В. Вестерман. Рабство в Римской империи, в кн. А. Валлон. История рабства в античном мире. М.-Л. 1941, стр. 591.

⁸ См. А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.-Л. 1949, стр. 59 и сл. Еще М. И. Ростовцев («Колонат», в кн. М. Вебер. Аграрная история древнего мира. М. 1923, стр. 410) правильно подчеркнул, что многообразие форм колоната не было стерто унифицирующими тенденциями римского государства.

может стать понятной, если допустить, что крестьяне фракийских и малоазийских селений — потомки «царских земледельцев» — еще до закона 332 г. были прикреплены к месту своего обитания.

Нужно обратить также внимание на факты, свидетельствующие о возможности перехода египетских «георгов» VI века. Так, в одном из папирусов того времени (P. Lond., 1932) прямо сформулировано право «георга» поселиться на новом месте при условии уплаты податей. Такой факт ставит перед исследователем новую проблему: не следует ли пересмотреть (во всяком случае, для восточных провинций) традиционный взгляд, согласно которому IV—VI столетия были периодом закабаления колонов? Ведь действительно мы застаем их прикрепленными к земле во II—III вв. и получающими свободу передвижения в VI веке. Разумеется, данный вопрос еще нуждается во всестороннем рассмотрении.

Исследования последних лет позволяют также по-новому поставить вопрос о судьбах крупной собственности в Восточной Римской империи. До сих пор традиционным является представление о том, что последний век империи явился периодом неслыханного до того роста крупной собственности⁹. Нельзя не видеть, что это утверждение не опирается на какие-либо статистические сведения; оно исходит лишь из спорадических упоминаний крупных владений в нарративных источниках. Но подобные упоминания встречаются и в более ранних памятниках. Поэтому некоторые осторожные исследователи подчеркивали сохранение мелкого землевладения как на востоке, так и на западе империи¹⁰. Сравнительно недавно появившаяся работа французского историка и археолога Г. Чаленко позволяет снова вернуться к этой проблеме. Автор на основании тщательного археологического изучения остатков античных поселений в Северной Сирии пришел к выводу, что можно констатировать в указанном районе раздробление крупных поместий и рост мелкого землевладения на протяжении IV—VI веков¹¹. Конечно, было бы поспешным делать категорические выводы на основании обследования одного района, однако самое наличие подобной тенденции (появившейся в Северной Сирии после периода роста крупной собственности) заставляет еще раз пересмотреть данные источников о развитии крупной и мелкой собственности в тот период; по-видимому, в традиционную картину неслыханного роста крупной собственности придется внести известные коррективы.

Отмеченные выше моменты показывают, кстати сказать, что при современном уровне знаний обобщающей характеристике развития Восточной Римской империи должна предшествовать серия локальных исследований. Надо признаться, в последнее время в нашей историографии преобладали обобщающие труды, если не считать отдельных работ¹². Даже история позднеримского Египта, несмотря на обилие источников, круг которых все более и более расширяется, не является предметом специального марксистского исследования.

Изучение социальной структуры Восточной Римской империи в марксистской литературе определяется в конечном счете задачей выяснения того нового, что рождалось в ту эпоху. Мы могли бы отметить, по-

⁹ См. Н. А. Машкин. История древнего Рима. Госполитиздат. 1956, стр. 538.

¹⁰ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. «Византийский сборник». М.-Л. 1945, стр. 28 и сл.; Е. М. Штаерман. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае. «ВДИ», 1946, № 3 и др.; A. Déleage. La capitation du Bas-Empire. Mâcon. 1945, p. 163.

¹¹ G. Tchalenko. Villages antiques de la Syrie du Nord. Le massif du Bélus à Géroque romaine, «Institut français d'archéologie de Beyrouth». 1953 (1957), vol. 50, № 1, p. 413; ср. Н. В. Пигулевская. Археология сирийской деревни. «Палестинский сборник». Вып. 3, 1958, стр. 220 и сл.

¹² См., например, Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. М.-Л. 1940; З. В. Удалцова. К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания. «Византийский временник». 1956, т. 11.

жалуй, две попытки решения вопроса. По мнению одних исследователей, в результате общественного переворота рабовладельческие формы эксплуатации уступили место раннефеодальным¹³. Восточноримский колонат рассматривается в таком случае как эксплуатация феодального типа¹⁴, а крупная собственность — как феодальная. Наоборот, сторонники другой концепции полагают, что ни раб, наделенный пекулием, ни колон еще не являлись непосредственными производителями феодального общества¹⁵, что крупную собственность тех времен нельзя отождествлять с феодальной, что основной экономической тенденцией, отвечавшей тогда прогрессу производительных сил, было стремление к укреплению мелкого самостоятельного хозяйства¹⁶. «Будущее принадлежало мелкому единоличному хозяйству непосредственных производителей»¹⁷. Такая тенденция, однако, не могла претвориться в жизнь, покуда она не получила поддержки со стороны германских и славянских племен, опрокинувших совместно с народными массами империи рабовладельческое государство.

В нашей литературе соответственно имеются две основные датировки момента падения рабовладельческого общества в восточных провинциях Римской империи. Сторонники первой считают, что общественный переворот уже совершился к IV в., и рассматривают империю Константина как феодальное государство. Последователи другой точки зрения считают невозможным говорить о падении рабовладельческого общества на Востоке ранее, чем на рубеже VI — VII веков. Эта дискуссия, еще не завершившаяся, представляется нам весьма плодотворной: в ходе ее предстоит решить, могла ли рабовладельческая латифундия непосредственно превратиться в феодальное поместье или она должна была первоначально уступить место мелкому крестьянскому хозяйству, из которого уже в дальнейшем предстояло формироваться феодальной вотчине. Дискуссия должна, далее, решить вопрос о роли славянского вторжения: действительно явилось ли оно фактором укрепления уже существовавшего (феодального) государства или же славяне принимали активное участие в сокрушении рабовладельческих порядков на востоке империи и тем самым в формировании нового общественного строя на Балканах и в Малой Азии. Наконец, дискуссия поможет выяснить характер и социальную природу восточноримского государства в IV—VII веках.

При всем различии между двумя точками зрения их объединяет одно весьма существенное обстоятельство: сторонники той и другой концепции признают факт качественного изменения в социально-экономическом строе империи, общественный переворот, социальную революцию. Наоборот, буржуазные ученые, как правило, либо вовсе отрицают наличие качественного перехода от Римской к Византийской империи¹⁸, либо сводят все дело к реформаторской деятельности императора Константина или кого-нибудь другого¹⁹.

Советские историки отметили еще одну сторону этого перехода, в силу ограниченности буржуазной методологии остававшуюся вне поля зрения буржуазных исследователей; они показали, что падение рабовладельческого общества совершалось в условиях ожесточенной классово-

¹³ Е. Э. Липшиц. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. «ВДИ», 1955, № 4.

¹⁴ Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. «Византийский временник». 1958, т. 13, стр. 49.

¹⁵ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи, стр. 54 и сл.

¹⁶ А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах, стр. 104 и сл.

¹⁷ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи, стр. 64.

¹⁸ См., например Н. Steinacker. Weltgeschichtliche Einordnung des Frühmittelalters. «Historia mundi». Bd. V. Bern. 1956, S. 474 f.

¹⁹ Например J. Vogt. Constantin der Grosse und sein Jahrhundert. München. 1949.

вой борьбы²⁰. Однако и эта проблема, хотя в последние годы ей уделялось весьма значительное внимание, все еще требует дальнейшего изучения. Дело не только в том, чтобы пересмотреть источники и обнаружить новые факты классовой борьбы IV—VII вв. (что само по себе очень важно), — необходимо выяснить характер борьбы народных масс в то время. Действительно, что представляли собой тогда народные движения: были ли они только проявлением сопротивления тяжелому налоговому гнету и процессу феодализации или же мы должны видеть в них наступательную борьбу народа против рабовладельческой формы собственности, в защиту мелкой, единоличной собственности? Особенно большие споры в нашей литературе вызывает вопрос о характере городских движений в IV—VII веках. Если большинство советских историков видело в движении городского плебса прогрессивный момент²¹, то М. Я. Сюзюмов выступил с теорией, что городской плебс являлся в тот период резервом рабовладельческого государства и активно отстаивал рабовладельческие порядки²². Решение вопроса предполагает глубокое изучение внутренней структуры восточноримского города, а это сама по себе большая и сложная проблема.

Вопрос о существовании общины в Византийской империи был поставлен еще учеными прошлого столетия (К. Э. Цахариэ фон-Лингенталь, В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, Н. А. Скабаланович, А. С. Павлов²³) и получил в их трудах положительное разрешение. С тех пор, пожалуй, никто (за исключением Б. А. Панченко²⁴) не высказывал сомнений в факте существования византийской общины. Однако один из пунктов концепции Цахариэ — Васильевского постоянно подвергался и подвергается критике в работах западноевропейских византистов. Дело заключается в том, что исследователи конца XIX в. не сомневались в славянском происхождении византийской общины. В XX в. буржуазные ученые стали решительно утверждать, что славяне не оказали и не могли оказать никакого влияния на общественные учреждения империи; в частности,

²⁰ Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.-Л. 1946, стр. 155 и сл.; ее же. Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке. «Вопросы истории». 1953, № 3; З. В. Удалцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане. «Византийский временник». 1952, т. 5 и ряд других работ.

²¹ Н. В. Пигулевская. Византия и Иран, стр. 135 и сл.; Г. Л. Курбатов. Положение народных масс в Антиохии в IV в. «Византийский временник». 1956, т. 8, стр. 52.

²² М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в. «Ученые записки» Уральского университета, вып. 11, 1952.

²³ К. Е. Zachariä von Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts, 2 Aufl. Berlin. 1877, S. 238 f; В. Г. Васильевский. Законодательство иконоборцев. «Труды», т. IV, Л. 1930, стр. 207 и сл.; Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. «Журнал министерства народного просвещения». Ч. 225, 1883, январь — февраль, стр. 30 и сл.; Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб. 1884, стр. 242; А. С. Павлов. Книги законные. СПб. 1885, стр. 28 и сл.

²⁴ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. «Известия Русского археологического института в Константинополе». 1904, т. 9. В своей критике Панченко исходил из принципа, что личное владение землей (с сильно развитыми правами распоряжения и т. д.) не может совмещаться с общинным владением. Теория Панченко в самое недавнее время была возрождена французским византистом П. Лемерлем. (P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue Historique». 1958, т. 219), который не только отвергал представление о коренном элементе в общественном строе империи в VII в. (что присуще и многим другим зарубежным ученым), но, подобно Панченко, считал невозможным сочетание «приватной частной собственности» с общинными порядками. Иными словами, Лемерль отбросил мысль о дуализме общины. О дуализме сельской общины в Византии см. Э. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. «Византийский сборник». М.-Л. 1945, стр. 129 и сл.

высказывалось мнение, что общинные отношения были унаследованы Византией от ее предшественницы — Поздней Римской империи. Усматривая в «консерватизме» и «стабильности» характерную особенность Византийской империи, эти исследователи полагали, что позднеримская община продолжала существовать и в период средневековья²⁵.

На первый взгляд соображения критиков концепции Цахаризэ — Васильевского могут показаться убедительными: спору нет, и египетские папирусы, и сирийские надписи, и, наконец, некоторые положения юстинианова свода законов свидетельствуют о существовании общинных порядков²⁶; естественно напрашивается мысль, что «Земледельческий закон» (запись обычного права византийской деревни VII — VIII вв.), говоря об общине, отражает традиционные отношения, издавна существовавшие в Восточном Средиземноморье²⁷. Однако нельзя не видеть, что весь ход таких рассуждений не является достаточно убедительным. Чтобы быть последовательными, критики концепции Цахаризэ — Васильевского должны были не ограничиваться простой констатацией факта наличия общины как в Поздней Римской империи, так и в Византии: и в древности и в средние века община существовала почти повсеместно. Им необходимо было доказать тождественность обеих форм общины, но они этого не сделали и, мы убеждены, не в состоянии сделать. Более того, представляется возможным наметить некоторые черты отличия позднеримской и ранневизантийской общин. Разумеется, вопрос этот чрезвычайно сложен, ибо, с одной стороны, в нашем распоряжении очень мало источников, а с другой — формы общинных отношений на обширной территории Восточной Римской империи могли быть весьма многообразными. Однако и теперь уже достаточно материала для того, чтобы изменить прежнюю постановку проблемы: мы должны говорить не о сохранении общины, но о ее изменении.

Известный польский ученый Р. Таубеншлаг в одной из последних работ попытался выяснить те отличительные черты, которые были характерными для общины в восточных провинциях Поздней Римской империи. Это в первую очередь система периодических переделов земли, а также запрещение отчуждать и делить наделы, право брать воду на чужом участке и право проходить через него²⁸. Обращаясь к византийским источникам VIII — X вв., мы можем констатировать, что некоторые элементы, существенные для ранней общины, теперь исчезли, зато, наоборот, сложились и развились другие черты, по-видимому, отсутствовавшие в предшествующее время.

Прежде всего византийская община уже не знала системы периодических переделов земли: термин *μερίδιος* (в южноитальянских документах ему соответствует *merissi* или *merissi divisionis*) обозначал не передел, а раздел общей (семейной) собственности. Поля в Византии окружались рвом, частоколом или даже кирпичной стеной, что было бы, ра-

²⁵ W. Ashburner. The Farmer's Law. «Journal of Hellenic Studies», 1912, vol. 32; G. Vernadsky. Sur les origine de la Loi agraire byzantine. «Byzantion», 1925—1926, vol. 2; F. Dölger. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz. «Bulletin of the International Committee of Historical Sciences», 1933, vol. 5 (перездано F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt, Ettal, 1955, S. 127f); G. Rouillard. La vie rurale dans l'Empire byzantin. Paris, 1953; J. Караяннопулос. Die kollektive Steuerverantwortung in der frühbyzantinischen Zeit. «Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», 1956. Bd. 43, H. 4.

²⁶ См., например, А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв., стр. 257; Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., стр. 40; М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи, стр. 28 и сл.

²⁷ См., например, Р. Таубеншлаг. Сельские общины в романизованных провинциях Востока времени Диоклетиана. «Византийский вестник». 1958, т. 13, стр. 8.

²⁸ Р. Таубеншлаг. Сельские общины, стр. 7.

зумеется, невысказанным в условиях господства системы периодических переделов²⁹.

Далее, в VIII — X вв. в Византии возрождаются и укрепляются элементы большой семьи, тогда как, что справедливо отметил уже М. Я. Сюзюмов³⁰, позднеантичные села митрокопии IV—VI вв. были свободны от пережитков родового быта. В Пафлагонии VIII в. большая семья могла достигать до 30 человек³¹; по свидетельству закона императора Романа Лакапина от 922 г., члены большой семьи могли владеть землей как раздельно, так и сообща³². К собственно византийским памятникам мы могли бы присоединить грамоты из византийских владений в Южной Италии, постоянно упоминающие родственников (*consortes*, *sortifices* или *consortifices*), которые сообща владеют (*comuniter abunimus*) своим наделом и сообща продают его. При продаже земли брат владельца должен давать гарантию, что не станет претендовать на продаваемую землю. Нередко общие земли консортов разделялись между ними: в грамоте 987 г. идет речь о разделе участка на четыре части, в грамоте 1012 г. — о совместной собственности (*in communem et indivisum*) родственников, причем все поле разделено на три части, находящиеся в индивидуальном владении; в грамоте 962 г. рассказывается о разделе недвижимости между тремя братьями, при этом часть имущества, в том числе ряд фруктовых деревьев, оставалась в совместной собственности³³.

Происхождение южноитальянской большой семьи ведет нас, разумеется, к лангобардским древностям. Однако было бы неправильным забывать, что у лангобардов уже в VIII в. большая семья уступила место малой³⁴. И если на юге Италии мы встречаем еще в XI в. элементы семейной собственности, то это в какой-то мере приходится связывать с особенностями аграрного строя Византийской империи, способствовавшими сплочению совместно владеющих родственников. Имеющегося материала, к сожалению, недостаточно, чтобы ставить вопрос о локальных особенностях большой семьи в отдельных частях империи. Однако мы вправе говорить об ее широком распространении — от Южной Италии до Малой Азии. С распространением элементов большой семьи должно было считаться Византийское государство. «Стратегикон» императора Никифора Фоки (963—969), касающийся преимущественно положения в восточных районах империи, населенных ромеями и армянами, прямо рекомендует полководцу располагать стратиотов и в боевом строю и во время похода по принципу дружбы и родства³⁵. Даже византийское законодательство конца IX в., сохранявшее и восстанавливавшее частновладельческие принципы римского права, восприняло некоторые положения, несомненно, восходившие к обычаям большой семьи: так, XIX новелла Льва VI (886—912) отстаивает принцип равного раздела наследственной массы между сыновьями покойного. Такой раздел законодатель считает присущим природе, тогда как иная форма наследования открывает, по его словам, путь

²⁹ См. об этом А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М. 1952, стр. 80 и сл.; М. Л. А б р а м с о н. Крестьянство в византийских областях Южной Италии. «Византийский временник». 1953, т. 7, стр. 166.

³⁰ М. Я. С ю з ю м о в. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. «Византийский временник». 1956, т. 10, стр. 36.

³¹ А. А. В а с и л ь е в. Житие Филарета Милостивого. «Известия Русского археологического института в Константинополе». 1900, т. 5, стр. 76.

³² «Jus Graeco-Romanum», ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae. 1856, vol. III, p. 238. П. Лемерль (P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance, p. 266) показал, что традиционная датировка этой новеллы не является строго обоснованной.

³³ См. также М. Л. А б р а м с о н. Крестьянство в византийских областях, стр. 166.

³⁴ А. И. Н е у с у х и н. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе. М. 1956, стр. 263 и сл.

³⁵ «Стратегика императора Никифора», изд. Ю. Кулаковский. «Записки Академии наук». Серия VIII. Историко-филологическая. 1908, т. VIII, ч. 9, стр. 12.

для несправедливости отца по отношению к сыну, а последнего побуждает ко лжи и обману³⁶.

Вторая характерная черта византийской общины — это так называемые права на чужую землю. Римское право признавало их лишь в виде исключения, лишь как сервитуты, частично находившие, кстати сказать, применение в условиях городской тесноты. Право проходить через участок и пользоваться водой на соседнем наделе, в чем Р. Таубеншлаг видит проявление общинной собственности, являлось, по сути дела, таким же сервитутом. Римское право сформулировало, далее, принцип *superficies solo cedit*, исключавший возможность собственности на строения или насаждения на чужой земле.

Совершенно по-иному выступают права на чужую землю в Византии. Они отчетливо выражены уже в нормах «Земледельческого закона», который устанавливает за нарушение права собственности гораздо меньшее наказание, нежели наиболее архаичная из варварских прав — «Салическая». Если последняя карает за запашку чужого поля высоким штрафом, то, согласно «Земледельческому закону», крестьянин, вспахавший и засеявший чужое поле, только теряет свой труд и зерно. Иначе говоря, нарушение границ чужого владения рассматривается здесь не как преступление, не как деликт, порождающий *actio furti*, но лишь как нанесение ущерба³⁷. Более того, «Земледельческий закон» не только не знает ответственности *ex delicto* за нарушение границ чужого владения, но и разрешает прямое использование плодов чужой земли: статья 61 позволяет входить в чужой сад, если только это делается не ради кражи, но чтобы на месте поесть виноград или фрукты. Наконец, и принцип римского права — *superficies solo cedit* — был нарушен «Земледельческим законом»: статья 32 свидетельствует, что в византийской деревне на земле, находившейся в собственности одного крестьянина, росли деревья, принадлежавшие другому³⁸. Права на чужую землю сохранялись в Византии и в последующее время, они засвидетельствованы, в частности, документами, относящимися к району Солуни, заселенному славянами³⁹.

Таким образом, мы считаем невозможным говорить об общине вообще и на основании этой методологической ошибки приходиться к выводу о консервативности и неизменности общественных порядков в Византии. Общинные порядки могли быть разными в различных конкретных условиях, в частности, у нас есть все основания искать отличие византийской общины от позднеримской. Разумеется, вопрос еще нуждается в специальных исследованиях и, может быть, вызовет серьезную дискуссию. Во всяком случае, нам кажется весьма вероятным, что византийская община отличалась от позднеримской отсутствием периодических переделов, наличием элементов семейной собственности и сильно развитыми правами на чужую землю.

Но если это так, то возникают два дополнительных вопроса. Прежде всего, коль скоро изменения в структуре общины действительно имели место, необходимо выяснить причины их. Естественно, что при решении данного вопроса мы вынуждены в настоящее время ограничиваться гипотезами. Наиболее вероятные объяснения заключаются, на наш взгляд, в следующем: во-первых, Восточная Римская империя пережила, как и Западная, серьезные социально-экономические потрясения, которые мы вправе рассматривать как своеобразную социальную революцию. Она была направлена прежде всего против рабовладельческих форм собствен-

³⁶ «Jus Graeco-Romanum». Vol. III, p. 93 sq.

³⁷ J. de Malafosse. Les lois agraires à l'époque byzantine. «Recueil de l'Académie de législation», 1949, т. 19, p. 55.

³⁸ Ж. Малафосс проследил, как схолиасты «Земледельческого закона» пытались восстановить в правах этот тезис римского права (там же, стр. 47 и сл.).

³⁹ См. подробно А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. «Византийский временник», 1956, т. 10, стр. 51 и сл.

ности⁴⁰, но вместе с тем не могла не затронуть те специфические формы эллинистической общинной собственности (к сожалению, еще недостаточно изученные), которые существовали на востоке империи; это проявилось, в частности, в исчезновении понятия «государственная земля» в Египте⁴¹.

Во-вторых, в IV—VII вв. Восточная Римская империя становится, подобно Западной, объектом вторжения различных соседних племен и народов: германцев, славян, протоболгар и др. Итальянские владения империи были заселены преимущественно остготами и лангобардами, Балканский полуостров и запад Малой Азии — славянами, восточные районы Малой Азии — армянами. Буржуазные историки, как правило, либо вовсе отрицают историческую роль славян на византийской территории, либо же выдвигают несостоятельную теорию, которую можно было бы назвать «демографической». Сущность ее сводится к следующему: славяне не оказали какого-либо прямого влияния на аграрные порядки или на аграрное законодательство империи, но они снабдили империю рабочими руками для возделывания свободных территорий, тем самым отпала необходимость в прикреплении крестьян к земле⁴².

Однако с этими рассуждениями трудно согласиться. Уже с самого начала славянские вторжения сопровождалась конфискацией крупных земельных владений и уменьшением бремени податей⁴³. Эти факты никак не вяжутся с демографической теорией. Расселение славян сплошными общинами на Балканах и в ряде областей Малой Азии не могло не привести к определенным изменениям аграрных порядков империи. Правда, мы не располагаем для Византии такими источниками, как варварские правды, сохранившие значительные элементы германской терминологии, однако и в поздневизантийских деловых документах иногда возможно проследить влияние славянского права⁴⁴. Таким образом, было бы вполне естественно связывать изменения в характере общины и со славянскими вторжениями. Поэтому в качестве одной из задач будущего исследования можно наметить изучение конкретного влияния славянского права и, в частности, форм общины на общественные отношения в Византии.

Второй вопрос, который встает в этой связи, относится к последующим судьбам византийской (или, как мы могли бы говорить, славяно-византийской) общины. Если мы в состоянии проследить изменения в характере общины в IV—VIII вв., то не менее существенным было бы проследить ее эволюцию в последующие столетия в связи с процессом феодализации. Данный вопрос также еще недостаточно изучен, однако и теперь уже можно наметить два аспекта этой эволюции. С одной стороны, постепенное укрепление индивидуального владения в недрах общины (переход в VIII—X вв. от земледельческой общины к общине-марке)⁴⁵, с другой — постепенное присвоение прав общины феодалами.

⁴⁰ См. С. И. Ковалев. К вопросу о характере социального переворота III—V вв. в Западной Римской империи. «ВДИ». 1954, № 3, стр. 41 и сл.; Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М. 1957, стр. 505 и сл.

⁴¹ A. Ch. Johnson. L. C. West. Byzantine Egypt. Princeton. 1949.

⁴² P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance, p. 64.

⁴³ А. П. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв. «ВДИ». 1946, № 1, стр. 34.

⁴⁴ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. «Byzantinoslavica», 1948, vol. 9, стр. 300.

⁴⁵ Для решения этого вопроса было бы чрезвычайно важно выяснить, существовало ли в византийской деревне VIII в. право продавать землю. «Земледельческий закон» ни разу не упоминает о продаже земли, и вряд ли можно согласиться с М. Я. Сюзюмовым (М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины, стр. 35. Сравни P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance, p. 58. п. 6), полагающим, что купля-продажа выходила за пределы компетенции сельской общины. Нельзя не заметить, что «Земледельческий закон» упоминает обмен земли, аренду, заклад, в такой же степени предполагающие нотариальное оформление, как и купля-продажа. К тому же уже П. Лемерль обратил внимание на то обстоятель-

Если вопрос о переменах в аграрном строе империи в VII—VIII вв. оживленно дискутируется в византиноведческой литературе начиная с конца прошлого века, то исследователи до недавнего времени даже не ставили вопроса об изменении в характере византийского города в период перехода от античности к средневековью, иными словами, в период генезиса феодализма. В литературе и по сей день господствует представление, будто византийские города оставались не чем иным, как эллинистическими полисами⁴⁶, будто буря VI и VII столетий прошла стороной, не задев города, который, как известно, был основной ячейкой античного рабовладельческого мира.

В литературе последних лет мы можем заметить некоторые новые тенденции. Крупнейший советский специалист по истории византийского города М. Я. Сюзюмов в 1948 г. писал: «И после краха Юстиниановской Византии город оставался в центре византийской жизни. Все институты и порядки города с его правом, денежным обращением, ремеслом и торговлей — вели непрерывную традицию от эллинистического города»⁴⁷. Однако уже несколько лет спустя Сюзюмов, характеризуя общественные отношения в восточных провинциях Поздней Римской империи, говорил о наличии «глубоких изменений, которые происходили в городах того времени»⁴⁸; эти изменения состояли, по его мнению, в «ломке основного устоя рабовладельческого общества — античного полиса»⁴⁹.

Вопрос о ломке общественных порядков античного полиса и о формировании города нового типа намечен М. Я. Сюзюмовым, но и после его работ остается неясным, в чем состояла эта ломка, когда она совершалась⁵⁰. Между тем очевидно, что для историков-марксистов это вопрос первостепенной важности. Действительно, можем ли мы считать, что античный город был категорией, присущей не только рабовладельческой формации, что он мог найти себе место и в средневековом государстве? Если мы ответим отрицательно, то неминуемо окажемся перед новой проблемой: переход от рабовладения к феодализму на Востоке останется непонятным, пока мы не выясним судьбу городов в пору этого перехода.

Письменные источники дают очень мало материала для решения данной проблемы. Однако в последние годы в распоряжение ученых стал

ство, что Филарет, житель пафлагонской деревни Амния (VIII в.), щедро раздававший свое движимое имущество соседям, не отдал им ни клочка своей земли; она была разделена (διαιρέσθαι) ими (А. А. Васильев. Житие Филарета Милостивого, стр. 65 и сл. Ср. P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance, p. 66, p. 4). Иными словами, напрашивается вывод, что Филарет, свободно распоряжавшийся движимостью, не обладал подобной же свободой в отношении земли; наоборот, когда он обеднел и оказался не в состоянии возделывать всю свою пашню, община произвела μερίδιος — раздел: земля Филарета была поделена между общинниками, хотя Филарет по-прежнему жил в той же деревне. Вместе с тем следует отметить, что статья 16 «Земледельческого закона» пользуется понятием «справедливая цена поля», которое вряд ли могло возникнуть, не будь в византийской деревне купли-продажи земли. Решение проблемы, видимо, следует искать в том, что купля-продажа земли, бывшая в VIII в. исключительным явлением в византийской деревне, к X в. становится весьма обычной.

⁴⁶ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агрографии. М. 1917, стр. 71 и сл., 109 и сл.; N. H. Baynes. The Hellenistic Civilization and East Rome. Oxford. 1946, p. 24; A. R. Lewis. Naval Power and Trade in the Mediterranean. A. D. 500—1100. Princeton. 1951, p. 98 f.

⁴⁷ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. «Ученые записки» Свердловского педагогического института. 1948. Вып. 4, стр. 60; ср. его же. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. «Византийский временник». 1951, т. 4, стр. 13.

⁴⁸ М. Я. Сюзюмов. Еще раз о юридических источниках для истории колоната. «ВДИ». 1951, № 4, стр. 85.

⁴⁹ М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в., стр. 124.

⁵⁰ См. также Е. Э. Липшиц. К вопросу о городе в Византии. «Византийский временник». 1953, т. 6.

поступать нумизматический и археологический материал, позволяющий проследить хотя бы внешние проявления той ломки античного полиса, о которой так правильно (хотя и весьма кратко) говорил М. Я. Сюзюмов. Изучение нумизматических данных позволяет прежде всего констатировать, что в соседних с Византией странах (как в Закавказье, так и в областях по Дунаю) встречается большое количество византийской монеты V—VI вв. С VII—VIII вв. она исчезает здесь почти полностью и появляется затем лишь с X—XI вв.⁵¹ Подобные наблюдения в какой-то мере подкрепляются свидетельством западноевропейских письменных источников. «Безант (византийская золотая монета, номисма), — писал историк средневековой экономики Р. С. Лопес, — крайне редко упоминаемый в западных документах до X в., с этого времени встречается в них гораздо чаще»⁵².

Этот факт, естественно, нуждается в объяснении, и объяснение здесь может быть двойное. Прежде всего можно предположить — и именно так поступают К. Моисил, Э. Кондураки, Д. Чаллань и некоторые другие исследователи, — что уменьшение количества византийской монеты в находках на территории соседних с империей государств вызвано лишь одними политическими факторами: так, вторжение протоболгар на Балканы в VII в., полагает Д. Чаллань, отрезало области по Дунаю от Византийской империи и прервало экономические связи между ними⁵³.

Однако подобная «внешнеполитическая теория» вызывает серьезные сомнения; остается необъяснимым, почему связи Византии с соседними странами прекратились почти одновременно и затем почти одновременно наладились.

Прежде чем говорить о втором возможном объяснении, мы должны остановиться еще на одном наблюдении. Специалисты-археологи, изучавшие монетные находки в византийских городах — Афинах, Коринфе, Херсоне, Приене, Пергаме (в том числе советские ученые А. Л. Якобсон и Л. Н. Белова), — отметили, что в этих городах монетное обращение резко уменьшается начиная с конца VII в. и постепенно возрастает с середины IX века⁵⁴. Естественно, что «внешнеполитическая теория» бессильна объяснить этот факт.

⁵¹ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана. Баку. 1926, стр. 22, 26. Для Румынии аналогичное явление отметили К. Моисил (C. Moisil. Sur les monnaies byzantines trouvees en Roumanie. «Académie Roumaine. Bulletin de la section historique», 1924, vol. 11, p. 209 sq.), Э. Кондураки (E. Conduarachi. Les trésors monétaires de la région carpatho-danubienne et leur importance pour l'histoire des Roumains. «Balcania», 1944, vol. 7, p. 38), а в последнее время О. Илиеску (O. Iliescu. Despre tezauzele monetare și viața economică în secolele III—XIV pe teritoriul țării noastre. «Studii. Revista de istorie și filosofie», 1952, vol. III, an. 5, p. 184) и И. Димиан (I. Dimian. Cîteva descoperiri monetare bizantine pe teritoriul R. P. R. «Studii și cercetări de numismatică», 1957, vol. I); для Венгрии — Д. Чаллань («Византийские монеты в аварских находках», «Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», т. 2); для Польши — А. Ф. Грабский («По поводу польско-византийских отношений в начале XI в.», «Византийский временник», 1958, т. 14, стр. 177).

⁵² R. S. Lopez. La crise du bezant au X-e siècle et la date du Livre du préfet, «Mélanges H. Gregoire», vol. II, Bruxelles, 1950, p. 412. Ср. также A. Suhle. Der byzantinische Einfluss auf die Münzen Mitteleuropas vom 10. bis 12. Jahrhundert, «Aus der byzantinistischen Arbeit der DDR», Bd. II, Berlin. 1957, S. 286.

⁵³ Д. Чаллань. Византийские монеты в аварских находках, стр. 241 и сл. См. убедительные критические замечания Г. Фехер. Авари-византийские сношения и образование Болгарской державы. «Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», т. 5, 1954, стр. 55 и сл.

⁵⁴ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. «Материалы и исследования по археологии СССР», 1950, № 17, стр. 12; Л. Н. Белова. Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII. «Материалы и исследования по археологии СССР», 1953, № 34, стр. 259; Ю. С. Крушкoл. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1946 г. «Труды Государственного исторического музея». Вып. 26; «Нумизматический сборник». Ч. 2, 1957, стр. 61 и сл. M. Thompson. The Athenian Agora. Vol. II: Coins. Princeton. 1954, p. 4; B. O. n. Le Péloponnèse byzantin jusquen 1204. Paris. 1951, p. 53; K. Regling. Die Münzen von Priene. Berlin. 1927; A. Conze. Stadt und Landschaft. «Altertümer von Per...», Bd. I. Text 2, 1913, S. 329 f.

Наоборот, логично было бы прийти к заключению, что уменьшение числа монетных находок (как на территории самой Византийской империи, так и за ее пределами), а затем увеличение их могут быть объяснены какими-то внутренними процессами; именно такой вывод делают в последнее время некоторые исследователи⁵⁵.

Если мы обратимся к истории византийского ремесла, то сможем наблюдать аналогичную картину: расцвет керамического производства приходится в Константинополе на вторую половину IX и первую половину X в.⁵⁶, а в провинции он наступает еще позже⁵⁷; византийское шелкоткацкое производство после некоторого упадка в VIII—IX вв. переживает расцвет в X—XII столетиях⁵⁸. Ювелирное производство VIII в. почти совершенно неизвестно⁵⁹, тогда как в X—XI вв. мы можем наблюдать его несомненный расцвет⁶⁰. То же самое мы видим и в строительном деле: после оживленного строительства VI в. наступает полоса упадка, и только с середины IX в. вновь возобновляется каменное зодчество в массовом масштабе⁶¹.

Совокупность археологических данных, полученных при раскопках византийских городов (Афины, Коринф, Пергам, Херсон и некоторые другие), позволяет также сделать вывод об известном запустении значительного количества позднеримских городских центров примерно со второй половины VII в. и об оживлении городской жизни в X и особенно в XI—XII веках⁶².

Таким образом, можно было бы считать установленным самый факт экономического упадка позднеримских городов в VII веке. Гораздо более сложным и до сих пор, по существу, не поставленным является вопрос о причинах этого упадка. Допустимо предположение, что этот упадок определяется теми набегами соседних народов (особенно арабов), которые Византийская империя пережила в конце VII и начале VIII века. И в самом деле, разрушение того или иного отдельного города вполне могло быть результатом осады или разграбления. Однако это лишь кажущееся решение проблемы: ведь разрушение городов в древности или в средние века действительно было весьма частым, но города всякий раз возникали вновь, если только существовала в них экономическая потребность. Следовательно, вопрос заключается не в том, отчего разрушены были позднеримские города, а в том, отчего, разрушенные в VII в., они почти два столетия не могли оправиться. Нам кажется, что решение здесь следует искать в общем процессе социально-экономического развития Восточного Средиземноморья в VI—VII веках. Кризис рабовладельческого способа производства не мог не затронуть город, ибо именно город был здесь средоточием рабовладельческой экономики. Упадок рабовладельческого хозяйства и расселение соседних племен на территории Восточной Римской империи приводили к тому, что центр экономической жизни страны перемещался из города в деревню. С кон-

⁵⁵ А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. «Советская археология». 1954, т. 21; P. Chaganis. The Significance of Coins as Evidence for the History of Athens in the VIIth and VIIIth Centuries. «Historia». Bd. 4, 1955; J. Dimian. Cîteva descoperiri monetare bizantine pe teritoriul R.P.R., p. 207.

⁵⁶ R.B.K. Stevenson. The Pottery. 1936—1937. «The Great Palace of the Byzantine Emperors». Oxford. 1947, p. 58.

⁵⁷ Ch. H. Morgan. The Byzantine Pottery. «Corinth». Vol. 11. 1942, p. 36.

⁵⁸ O. von Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei, 3 Aufl., Berlin. 1936, S. 25f.

⁵⁹ O. M. Dalton. Byzantine Art and Archaeology. Oxford. 1911, p. 544; L. Bréhier. La sculpture et les arts mineurs byzantins. Paris. 1936, p. 37.

⁶⁰ L. Bréhier. La sculpture, p. 37 sq. Ср. Н. Кондаков. История и памятники византийской эмали. СПб. 1892, стр. 93.

⁶¹ Н. Мавродинов. Византийската архитектура. София. 1955, стр. 108, 121.

⁶² M. Thompson. The Athenian Agora, p. 4f.; G. R. Davidson. The Minor Objects, «Corinth». Vol. 12. Princeton. 1925; A. Conze. Stadt und Landschaft, S. 321; А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики. «Советская археология» 1954, т. 21, стр. 153 и сл.

ца VII в. наступает длительный период господства натурального хозяйства, в какой-то мере аналогичный соответствующему периоду на Западе, а также в Армении⁶³.

По-видимому, с IX в. в отдельных местах (а в большинстве районов еще позднее) начинается рост городов и усиление товарного производства. С X в. Византия втягивается в широкую (по тем временам) международную торговлю, и византийская монета проникает в соседние страны. Наивысший подъем византийские города (насколько можно судить по археологическим и нумизматическим данным) переживают в XI—XII веках. Процесс подъема средневековых городов в X—XII вв. имеет полную аналогию в экономическом развитии как на Руси, так и в Западной Европе.

Разумеется, предлагаемая здесь картина пока лишь гипотеза. Многие еще должно быть исследовано и уточнено, а может быть, и исправлено. Однако эта гипотеза дает, как нам кажется, удовлетворительное объяснение ряда фактов, накопленных наукой в последнее время, и уже по одному этому заслуживает того, чтобы стать предметом серьезной дискуссии.

При изучении истории ранневизантийского города возникает еще одна проблема, поставленная особенно остро в работах М. Я. Сюзюмова. Признавая аграризацию значительной части восточноримских городов, М. Я. Сюзюмов считает вместе с тем, что в Византии всегда существовало некоторое количество крупных городов, влияние которых, по его мнению, определяло весь характер экономической и политической истории империи. Города-эмпории могли, по суждению Сюзюмова, перейти в средневековье в готовом виде⁶⁴.

Проблема эта действительно заслуживает самого внимательного рассмотрения. Нам кажется, что с ней связано несколько вопросов, еще ждущих своего разрешения. Прежде всего недостаточно выяснены причины, определившие сохранение таких крупных центров, как Константинополь или Солунь, в условиях общей аграризации византийской экономики⁶⁵. Далее, даже признавая сохранение значительного по средневековым масштабам товарного производства в византийских городах-эмпориях (прежде всего в Константинополе), мы вряд ли можем допустить, что социальная организация производства оставалась здесь прежней в новых условиях феодализма. Уже давно А. Штёкле обратил внимание на весьма существенные отличия между позднеримскими коллегиями и византийскими цехами X в.: если участие в коллегиях считалось бременем и ремесленники нередко насильственно присильсывались к ним, то константинопольские цехи X в. были привилегированными организациями, и мастера добивались права быть принятыми в цех⁶⁶.

⁶³ См. Т. Х. Саркисян. Рецензия на книгу Я. А. Манандяна «О торговле и городах Армении» (Ереван. 1954), «ВДИ», 1957, № 4, стр. 146.

⁶⁴ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии. «Византийский временник», 1956, т. 8, стр. 28. К сожалению, не всегда ясно, какие именно города Сюзюмов причисляет к эмпориям; в этой статье идет речь только о двух — о Константинополе и Солуни (там же, стр. 29), но в другой работе он их насчитывает уже шесть (М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. «Византийский временник», 1956, т. 11, стр. 60).

⁶⁵ Экономика Солуни была предметом специального рассмотрения в работе Р. А. Наследовой «Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X в. по данным Иоанна Каменатиаты» («Византийский временник», 1956, т. 8), однако экономическая история этого города еще недостаточно выяснена и вряд ли может быть выяснена без систематических раскопок. Следует, во всяком случае, обратить внимание на наличие в Солуни перерыва в строительной активности: после создания храма Софии (иконоборческий период) активное строительство начинается лишь в XI веке.

⁶⁶ A. Stöckle. Spätromische und byzantinische Zünfte. Leipzig. 1911, S. 55f. Ср. Е. Черноусов. Римские и византийские цехи. «Журнал министерства народного просвещения». 1914, т. 53, стр. 167.

Подобный факт свидетельствует о коренных сдвигах в организации константинопольского ремесла, но они пока еще, к сожалению, почти не изучены.

Наконец, рассмотрение константинопольской экономики ограничивается, как правило, X столетием. Однако анализ некоторых данных, относящихся к последующим векам, заставляет поставить один чрезвычайно существенный вопрос: в то время как провинциальные города империи переживают подъем в XI—XII вв., в константинопольском ремесле мы можем проследить некоторые черты спада. Это относится в первую очередь к керамическому производству, дающему наиболее массовый материал для исследователя: раскопки свидетельствуют о резком ухудшении качества константинопольских керамических изделий в XII веке⁶⁷. Шелковое производство, которое до X в. было монополией константинопольских мастерских, в XI—XII вв. распространяется в городах Балканского полуострова. Писатели XII в. Иоанн Цец, Отто Фрейзингенский прославляют мастерство не константинопольских, а фиванских ткачей; сельджукские правители требовали уплаты дани не константинопольскими, а фиванскими шелковыми тканями⁶⁸. В XII в. можно проследить упадок и в таких отраслях константинопольского производства, как производство эмалей или книжное дело.

Сам по себе упадок константинопольского ремесленного производства в XII в. (если он будет доказан, а здесь предстоит немало исследовательской работы) не должен был бы вызывать особого удивления. Проблема состоит, однако, в том, что упадок производства в столице совпадает с наивысшим подъемом ремесла в провинциальных городах.

Разумеется, решение этих трех вопросов — еще дело будущего. Нам кажется, что на них невозможно ответить, если не учитывать роли государства в организации ремесленного производства в Константинополе. Не следует ли предположить, что сохранение Константинополя как крупного ремесленного центра в раннее средневековье связано с его исключительным положением? Потребности императорского двора, армии и чиновничества создавали повышенный спрос на ремесленную продукцию, прежде всего на предметы роскоши и оружие⁶⁹, и способствовали сохранению высокого уровня ремесленного производства столицы даже в условиях общей аграризации экономики. Что же касается организации ремесленного производства, то она, по-видимому, переживала (в VII—VIII вв.) какие-то существенные, но пока не вполне ясные сдвиги.

Те факты, которые в условиях раннего средневековья способствовали подъему константинопольского ремесла, в XI—XII вв. превращаются в свою противоположность: рост провинциальных центров в самой Византии, а особенно подъем итальянских городов, поставил константинопольское ремесло, возвращенное в условиях покровительственного режима, в чрезвычайно трудные условия. Византийскому феодальному государству оказалось теперь выгоднее поддерживать иноземных (итальянских) купцов и ремесленников, нежели константинопольских горожан. Все это привело в конце XII в. к чрезвычайному обострению

⁶⁷ R. B. K. Stevenson. *The Pottery*, p. 47f.

⁶⁸ Nicetas Choniata. *Historia*. Bonnæ, 1835, p. 608 sq.

⁶⁹ Константинопольское ремесло работало прежде всего на внутренний, а не на внешний рынок; это подтверждается наличием высоких вывозных пошлин и жалобами иностранцев на трудности в приобретении византийских товаров (см., например, «Полное собрание русских летописей», т. I, вып. 1, стр. 49; Liutprandi. *Legatio*, in: Leo Diaconus. *Historia*. Bonnæ, 1828, p. 366). С другой стороны, внешняя торговля Константинополя была рассчитана в первую очередь на удовлетворение потребностей столичной знати, а не на «завоевание рынков», как это иной раз изображают буржуазные историки. См. R. S. Lopez. *Silk Industry in the Byzantine Empire*. «Speculum», 1945. Vol. 20.

классовой борьбы в византийской столице и обусловило в конечном счете слабость сопротивления, как правильно отметил румынский историк Э. Франчес, оказанного завоевателям Константинополя в 1204 году⁷⁰.

До сих пор еще остаются недостаточно выясненными пути экономического развития Византии в последние века ее существования. У многих историков имеется тенденция (восходящая, кстати сказать, к lamentациям Никифора Григоры и других поздневизантийских писателей) рисовать эти столетия как пору полного хозяйственного упадка, связанного, по их мнению, с феодализацией византийского общества⁷¹. В последние годы появились некоторые работы, где проблема ставится несколько по-иному. В них была подвергнута критике традиционная точка зрения, согласно которой Византия накануне турецкого завоевания представляла собой полутруп, лишенный жизненных сил и обреченный на гибель. Эти работы вскрывали диалектическое противоречие, присущее византийскому обществу в XIV—XV веках. Оно заключалось в следующем: развитие товарного производства создавало здесь «некоторые условия для возникновения капиталистического способа производства», в крупных городах появились «первые ростки новых, капиталистических отношений», особенно заметные в тех отраслях ремесла, которые были связаны с внешней торговлей. Наконец, в деревне зародились «первые симптомы разложения феодальных отношений»⁷². Но в целом в стране продолжал господствовать феодальный строй, и византийские феодалы находили поддержку у венецианских и генуэзских купцов, нещадно грабивших Византию. Феодальная реакция особенно усилилась после разгрома восстания зилотов (1342—1349)⁷³.

Диалектически рассматривал судьбы поздневизантийского города и румынский историк Э. Франчес. По его мнению, с XII в. положение византийских городов укрепились, и в результате горожане стали оказывать определенное влияние на политическую жизнь империи⁷⁴. При этом Э. Франчес подчеркнул различие в судьбах поздневизантийских городов: если наиболее крупные из провинциальных центров (Монемвасия, Янина) добивались тогда важных привилегий, то небольшие города, где процесс экономического развития шел медленнее, оставались под властью феодалов⁷⁵. Укрепление позиций горожан сопровождалось обострением антифеодальной борьбы и борьбы против «латинского застоя»⁷⁶.

Таким образом, возникает необходимость пересмотра традиционных представлений, сводящих экономическую историю империи XIII—XV вв. только к упадку. В этой связи следует обратить внимание на некоторые факты, не привлекавшие до сих пор, как нам кажется, достаточного внимания. Известно, например, что византийские (греческие) ремеслен-

⁷⁰ E. Francès. Sur la conquête de Constantinople par les Latins «Byzantinoslavica». 1954. Vol. 15. Ср. также К. Н. Юзбашян. Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. и четвертый крестовый поход. Ереван. 1957.

⁷¹ См., например, P. Charanis. Economic Factors in the Decline of the Byzantine Empire. «Journal of Economic History». 1953. Vol. 13, № 4; D. A. Zakynthinos. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle. Athènes. 1948; Б. Т. Горянов. Византийский город XIII—XV вв. «Византийский временник». 1958, т. 13, стр. 183.

⁷² З. В. Удальцова. О внутренних причинах падения Византии в XV веке. «Вопросы истории», 1953, № 7, стр. 106—109.

⁷³ Там же, стр. 106, 110 и сл.

⁷⁴ E. Francès. La féodalité et les villes byzantines au XIIIe et au XIVe siècles. «Byzantinoslavica». 1955. Vol. 16, p. 89.

⁷⁵ Там же, стр. 92 и сл.

⁷⁶ Там же, стр. 94 и сл.

ники (особенно ткачи по шелку)⁷⁷ пользовались славой повсеместно в Европе: еще в 1470 г. Людовик XI приглашал в Тур всевозможных ремесленников как из Италии, так и из Греции, и в первую очередь шелкоткачей⁷⁸.

Организация поздневизантийского ремесла также заслуживает специального рассмотрения. В Солуни в начале XIV в. существовали цехи⁷⁹, однако вопрос о константинопольских цехах того времени остается пока открытым. Во всяком случае, американский исследователь П. Харанис, опираясь на переписку патриарха Афанасия, стремился доказать, что в XIII—XIV вв. цехи в Константинополе отсутствовали⁸⁰. Если это действительно так, то возникает вопрос, чем же вызвано исчезновение цехов в византийской столице, где они засвидетельствованы не только «Книгой епарха», но и некоторыми памятниками XI—XII веков⁸¹. Можно было бы предположить, что это связано с развитием мануфактурного производства; однако до сих пор не удается найти прямых свидетельств о существовании мануфактуры в Константинополе XIII—XV веков.

Пожалуй, больше, чем о византийском ремесле того времени, мы знаем о византийской торговле. Сравнительно недавно Н. П. Соколов обратил внимание на известия итальянского коммерсанта Бальдуччи Пеголотти о константинопольской торговле первой половины XIV века. По словам Пеголотти, Константинополь — один из крупнейших центров средиземноморской торговли, куда съезжались итальянские, провансальские, каталонские, сирийские купцы и где продавались самые различные товары. Н. П. Соколов справедливо замечает: «Из всего этого следует, что в XIII и XIV вв. Константинополь отнюдь не был захолустьем; он все еще играл крупную роль в международном обмене»⁸².

Совсем недавно итальянские ученые У. Дорини и Т. Бертеле опубликовали счетные книги венецианского купца Джакомо Бадозер, жившего в Константинополе в 1436—1440 годах⁸³. Изучение этого трудного памятника средневекового счетоводства — дело будущего, ему должно предшествовать издание комментария. Но и теперь уже ясно, что памятнику суждено сыграть важную роль в освещении конкретных условий византийской торговли накануне падения Константинополя.

Разумеется, значительная часть византийской торговли находилась тогда в руках венецианских и генуэзских купцов, живших в особых предместьях Константинополя, Солуни и некоторых других городов⁸⁴. Но это

⁷⁷ Ср., например, упоминание шелкоткача Георгия Коллитара в грамоте 1324 г. L. Petit. Actes de Chilandar. I. «Византийский временник». 1911, т. 17. Приложение № 97.

⁷⁸ E. Müntz. Les artistes byzantins dans L'Europe latine «Revue de l'art chrétien». 1893, vol. 36, p. 190.

⁷⁹ Б. Т. Горянов. Византийский город XIII—XV вв., стр. 170 (к сожалению, автор не дает ссылок на предшествующую литературу вопроса).

⁸⁰ P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the XIIIth Century and Later. «Byzantinoslavica». Vol. 12, 1951, p. 151.

⁸¹ A. Christophilopoulos. Ζητήματα τινα εκ του Ελαρχικού βιβλίου, «Ελληνικά», ч. 11, σελ. 134 ΕΕ. (нам недоступно. См. F. Dölger, «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 40. 1941. S. 343). P. C. Loney (R. S. Loney. Silk Industry in the Byzantine Empire, p. 24) полагал, что новелла Мануила Комнина от 1157 г. (?) (см. F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. T. 2. München—Berlin, 1925, № 1396) также упоминает цехи. Однако его суждение не более чем гипотеза.

⁸² Н. П. Соколов. Венеция и Византия при первых Палеологах (1263—1328). «Византийский временник». 1957, т. 12, стр. 76 и сл. Наоборот, Б. Т. Горянов («Византийский город», стр. 165 и сл.), не используя сведений Пеголотти, подчеркивает упадок Константинополя в это время.

⁸³ «Il libro dei conti di Giacomo Badoer». Roma. 1956. См. рецензию в «Revue des Études Byzantines». 1957. Vol. 15, p. 265 sq.

⁸⁴ См., например, Е. Ч. Скржинская. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. «Византийский временник», 1947, т. 1.

отноюдь не означает, что греки были вовсе вытеснены из торговли: жители Монемвасии в XIV в. получили ряд важных торговых привилегий⁸⁵, афонские монастыри имели свои корабли, которые заходили в Константинополь и другие города⁸⁶. Югославский ученый Б. Крекич составил на основании архивных данных таблицу, показывающую количество греков, приезжавших в Дубровник в 1280—1460 годах⁸⁷. Всего здесь учтено 235 человек. Профессия 44 из них не указана. Среди остальных 88 — торговцы; они составляют, следовательно, немногим менее половины всех греков, приезжавших в Дубровник. Вряд ли их было бы столько, если бы византийская торговля переживала в то время полный упадок. Таблица Б. Крекича не дает оснований и для того, чтобы говорить об уменьшении торговой активности греков в XV в. в сравнении с XIV: из 57 греков, посетивших Дубровник в 1280—1399 гг., было 24 торговца; из 134, приезжавших в 1400—1460 гг., — 64.

Однако, присматриваясь к византийской торговле, начиная со второй половины XII в., мы можем обратить внимание на одно обстоятельство: основное место в византийском вывозе на Запад занимают не ремесленные изделия (как это было прежде), а продукты сельского хозяйства. Итальянские купцы — преимущественно венецианцы и генуэзцы — отправляются в «Романию» (то есть Византию) за хлебом, вином, мясом и иными сельскохозяйственными товарами⁸⁸; наоборот, на византийские рынки попадают теперь итальянские дешевые ткани, например, генуэзские *ranni baldinelle*⁸⁹. И в XIII в. хлеб из Рومании продолжал манить итальянцев; недаром Нимфейский договор 1261 г. специально разрешал генуэзцам свободно вывозить хлеб из всей империи⁹⁰. Еще более определенные сведения дают материалы дубровникого архива, обработанные Б. Крекичем. Из них следует, что с Востока в Дубровник (и через него на Запад) везли преимущественно сельскохозяйственные товары (зерно, лен, шелк, хлопок, солонину, шкуры, воск и т. п.), а также рабов; на Восток же из Дубровника (и через него) шли ткани, свинец, железо и другие металлы, оружие и вино. Из византийских городов (в том числе из Константинополя и Солуни) вывозили на Запад в первую очередь хлеб⁹¹.

Итак, в системе международной торговли XIII—XV вв. Византия выступала прежде всего как поставщик сельскохозяйственных продуктов.

Обратимся теперь к рассмотрению тех перемен, которые происходили тогда в византийском сельском хозяйстве. Мы могли бы отметить наличие двух противоречивых тенденций.

Прежде всего обращают на себя внимание такие факты, которые свидетельствуют о разложении феодальных общественных отношений и о формировании раннекапиталистической системы хозяйства. Изучение описей некоторых деревень, расположенных в районе реки Стримон, приводит к выводу о значительном расслоении крестьянства в начале XIV века. Прослойка неимущих крестьян достигала 1/3 всех учтенных дворов, в то время как появилась сравнительно немногочисленная группа крестьян, обладавших весьма значительным количеством пашни и

⁸⁵ E. Francès. La féodalité et les villes, p. 90 sq.

⁸⁶ См., например, W. Regel. Χρυσό βούλλα και γραμμάτια της εν αγίω ορει Αθῶ μονῆς του Βατοπεδίου. SPb. 1896, p. 26. З. L. Petit. Actes de Chilandar, I, № 5, 48 и др.

⁸⁷ Б. Крекич. Дубровник и Левант (1280—1460). Београд. 1957, стр. 133—139. В этой таблице автор учитывает также и тех греков, которые переселялись в Дубровник.

⁸⁸ A. Schaubе. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebietes bis zum Ende der Kreuzzüge. München und Berlin. 1906, S. 238, 245.

⁸⁹ Там же, стр. 246.

⁹⁰ Е. Ч. Скржинская. Генуэзцы в Константинополе, стр. 225.

⁹¹ Б. Крекич. Дубровник и Левант, стр. 60 и сл.

земли под виноградником, а также рабочего скота⁹². Наряду с расслоением крестьянства можно отметить также возникновение предпринимательского хозяйства. Впервые мы узнаем о нем в рассказе Никифора Григоры об императоре Иоанне Ватаце (1222—1254), который приказал разводить в большом количестве лошадей, коров, овец и свиней и продавать сельджукам пшеницу и скот за высокую цену. От одной только продажи яиц в течение года императорские поместья выручили столько денег, что Иоанн Ватац приобрел на них для своей жены венец, украшенный жемчугом и драгоценными камнями. Шутя Иоанн Ватац называл его «яичной короной»⁹³. Две грамоты 1421 г., изданные недавно Ф. Дэльгером, также рисуют хозяйство нового типа⁹⁴.

Развитие предпринимательского хозяйства накладывало определенный отпечаток и на феодальную вотчину того времени. В последний век империи, по-видимому, было немало таких дворянчиков, которые, подобно критскому поэту первой половины XV в. Стефану Сахликису, совершенно забрасывали хозяйство, целиком сдавая в аренду свои земли и мельницы, причем арендная плата уходила на развлечения⁹⁵.

Но определенная часть господствующего класса по-прежнему приспособилась к развитию раннекапиталистических отношений. Источники свидетельствуют о бурном росте монастырского землевладения в XIV в., о расширении иммунитетных привилегий и укреплении крепостного права, об увеличении барщины и натуральной ренты. Новые тенденции наталкивались на сопротивление феодальных сил.

Скудный материал источников, которыми мы располагаем в настоящее время, не позволяет сделать определенных выводов, но в качестве гипотезы можно высказать следующее соображение. Раннекапиталистические отношения в Византии XIII—XV вв. развивались, но развивались они преимущественно в сфере купеческого капитала и в сельском хозяйстве; к тому же купеческий капитал оказался главным образом в руках итальянских коммерсантов. Слабость экономического развития Византии состояла, следовательно, в том, что развитие раннекапиталистических отношений в городском ремесле оказалось крайне замедленным. Феодалы господствовали в городах, выступая как собственники мастерских. Феодалы, заинтересованные в торговле хлебом с Италией и Дубровником, не проводили покровительственной политики в отношении своих городов, а, наоборот, поддерживали генуэзцев и венецианцев.

Все это привело к резкому обострению противоречий, к ожесточенной классовой борьбе, достигшей наибольшего размаха во время восстания зилотов. Поражение зилотов знаменовало наступление реакции.

Рассмотрение всех перечисленных фактов позволяет наметить в качестве важнейших задач для изучения поздневизантийской экономики следующие проблемы: развитие производительных сил в городском ремесле, формирование предпринимательского хозяйства в деревне и причины торжества феодальной реакции.

⁹² А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XV вв., стр. 170 и сл. В этой работе еще не были учтены данные ивирских практиков XIV века. Исследования их позволят теперь получить новые материалы для характеристики как расслоения крестьянства, так и развития в деревне неземледельческих промыслов.

⁹³ G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. New Brunswick. 1957, p. 394.

⁹⁴ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Hl. Berges München. 1948, №№ 24, 102.

⁹⁵ С. Пападимитриу. Стефан Сахликис и его стихотворение «Αφῆρησις παραξενος». «Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете», 1896, т. 6, стр. 155.